

Это частный случай, демонстрирующий пропасть, отделявшую лидеров правых от «рядовых» депутатов. Ещё сложнее было работать с низовыми партийными структурами. Правые организации, в сущности, не решали те задачи, которые должны были стоять перед общенациональной партией. Они были чрезвычайно «рыхлыми» и с идейной, и с организационной точки зрения. В эти объединения не входили даже те, кто определял лицо русского консерватизма того времени. «Рождённые революцией» партии не соответствовали задачам быстро менявшейся политической системы. Они так и не стали механизмом консолидации элит с целью борьбы за парламент и в парламенте. Книга А.А. Иванова как раз о нестройном многоголосье правых, о том, как они «плыли по течению», не имея возможности на него повлиять, как им приходилось добиваться ролей в чужом спектакле, финал которого совсем не требовал их участия.

Сергей Куликов: О правых, неправых и прочих

За последние 25 лет появились сотни монографий, статей, рецензий и сборников документов, посвящённых истории русского консерватизма. Казалось бы, трудно сказать о нём новое слово, однако книга А.А. Иванова опровергает подобное предположение. Как представляется, именно совокупное изучение правых обеих «палат» российского «парламента» во время Первой мировой войны позволяет получить наиболее точное представление о феномене русского консерватизма начала XX в. и его роли в событиях, непосредственно предшествовавших падению монархии.

Напротив, было бы ошибкой пытаться понять это явление, исходя не из исторического контекста дореволюционной России, а из некой абстрактно конструируемой вневременной консервативной идеологии. Подобные опыты ведут лишь к появлению новых штампов, сужающих поле исследовательского поиска. К тому же сами понятия «консерватизм», «консерватор», «правые», в силу своей популярности, сейчас настолько «заездились» и «замылились», что зачастую теряют всякое содержание. Один и тот же персонаж, независимо от пережитой им идейной эволюции, под пером иного автора предстаёт то как «правый», то как «неправый», то просто «монархистом», то «правомонархистом».

Одним из несомненных достоинств монографии А.А. Иванова является её терминологическая чёткость, основанная на самоидентификации и формальной принадлежности политических деятелей к соответствующим объединениям. Вместе с тем это не ведёт к преувеличению идеологической гомогенности думской фракции правых и правой группы Государственного совета, напротив, позволяет выявить существовавшие между ними различия, обусловленные причинами как объективного, так и субъективного порядка.

Хотя, как отмечает А.А. Иванов, в своих представлениях правые традиционно опирались на уваровскую триаду, это лишь свидетельствует о её амбивалентности и эластичности. Действительно, исповедуя «православие», в начале XX в. можно было оставаться сторонником синодальной системы или же сочувствовать её замене патриаршеством, не говоря уже о спорах между «никонианами» и «старообрядцами» (реабилитированными указом 17 апреля 1905 г.), ортодоксами и имяславцами и т.д. «Самодержавие» также могло пониматься (и понималось) по-разному: либо как абсолютизм, либо как

принцип монархического суверенитета. При этом оно допускало «дуализм», предполагавший назначение и увольнение министров по усмотрению императора и противопоставлявшийся парламентаризму с его кабинетами, ответственными перед палатами. Приверженность русской «народности», иногда отождествлявшейся с великороссами, а чаще охватывавшей также малороссов и белорусов, не исключала ни одобрения, ни отрицания возможности и желательности ассимиляции (хотя бы в отдалённой перспективе) большинства других народов Российской империи. Более того, в рамках самой «народности» существовали культурологические (между «культурными» верхами и «некультурными» низами), социальные (между привилегированными и непривилегированными сословиями) и экономические (между богатыми и бедными классами) противоречия. Наконец, племенной аспект «народности» переплетался с вероисповедным, поскольку в паспортах, выдававшихся до 1917 г., графа «национальность» отсутствовала, а вместо неё указывалось «вероисповедание». Наблюдения и выводы, сделанные А.А. Ивановым, наводят на размышления о том, в какой степени кажущаяся простота уваровской триады в действительности упрощала программы правых, заседавших в Думе и Государственном совете. Видимо, всё же она настолько же содействовала «снятию противоречий», насколько и порождала их, усиливая идеологические расхождения.

На нестабильность положения правых влияли и индивидуальные особенности их вождей. Мастер политического портрета и автор блестящего исследования о В.М. Пуришкевиче⁶⁴, А.А. Иванов создал в своей новой монографии целую галерею образов государственных и общественных деятелей, являвшихся живым воплощением правой идеи. Ему удалось оттенить общее, типическое, роднившее их с единомышленниками, и особенное, индивидуальное присущее каждому политику в отдельности. Лидеры правых, пожалуй, даже более, чем их коллеги по Думе и Государственному совету, отличались «лица необщим выраженьем». Среди них – талантливые ораторы, по меньшей мере, не уступавшие кадетским корифеям, не говоря уже об октябристах, в устройстве же «театра одного актёра» правым вообще не было равных, особенно – в годы Первой мировой войны. Но всё это обладало и обратной стороной – частыми столкновениями амбиций, закулисными интригами, скандальными демаршами и в конечном итоге – распадом думской фракции и правой группы в конце 1916 – начале 1917 г. Как убедительно показал А.А. Иванов, вечная проблема фракционной и групповой дисциплины, так и не решённая правыми вплоть до Февральской революции 1917 г., стала одной из причин их поражения.

Между тем во время Первой мировой войны правые сумели ещё глубже вписаться в политическую систему думской монархии и даже обрести респектабельность в глазах своих оппонентов слева (таких, как, например, кадет В.А. Маклаков). Общая работа, прежде всего – в рамках особых совещаний по обороне, перевозкам, продовольствию, топливу и беженцам, а также в сфере филантропической деятельности, не просто сближала, хотя бы временно, правых с «неправыми», но и приводила к известной переоценке ценностей. Парламент теперь воспринимался ими не только как «терпимое зло», но и как положительное явление. И лишь такие дальновидные аналитики, как П.Н. Дур-

---

⁶⁴ *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич...

ново, предвидели, что «патриотическая карта» впоследствии будет использована лидерами Прогрессивного блока против правых.

Был ли путь правых «от кризиса к краху» необратимым и неизбежным? Судя по монографии А.А. Иванова, у них всё же имелись шансы «переиграть судьбу» (например, в случае реализации грандиозного плана А.Н. Хвостова по подготовке выборов в V Думу). Но насколько велики они были?

К сожалению, в книге явно недостаёт хотя бы краткой сравнительной характеристики парламентской деятельности правых партий в России и в Европе. Возможно, автор ещё осветит этот сюжет в своих дальнейших исследованиях. Весьма поучителен, в частности, пример Голландии конца XIX – начала XX в. В королевстве, охваченном более мощной волной промышленного развития, чем его соседи, доминировала тогда не социал-демократия, а Антиреволюционная партия, во многом схожая с правыми партиями Российской империи. Она исповедовала классическую традиционалистскую идеологию, разработанную её лидером Абрахамом Кёйпером и содержащую такие постулаты, как возвращение к истинному протестантизму, отрицание идей Французской революции 1789 г., не исключая принципа народного суверенитета, преодоление политизации голландского общества с помощью его расслоения на отдельные категории, корпорации (в сущности – те же сословия), в основу существования которых полагался принцип «суверенитета в своём собственном кругу». В самом начале XX в. партия Кёйпера, являвшегося не только талантливым идеологом, но и выдающимся оратором и организатором, одержала оглушительную победу на выборах в Генеральные штаты, а сам он возглавил правительство Нидерландского королевства⁶⁵. Конечно, не все свои идеи Кёйпер осуществил, но и то, что из его замыслов получило воплощение, спасло Голландию, сохранившую нейтралитет во время Первой мировой войны, от потопа европейского революционного движения, поглотившего четыре империи, и обеспечило стране десятилетия мирного развития и процветания. При этом считается, что именно идеи Кёйпера во многом определили политическую культуру современной Голландии, едва ли соответствующей мечтам основателя Антиреволюционной партии.

Иными словами, причины, приведшие правых к «кризису и краху», лежали не только внутри их фракции и группы и даже не только внутри парламента, но и вне стен Таврического и Мариинского дворцов. А.А. Иванов показывает, что правые, будучи динамичными парламентариями, оказались, однако, как бы в подвешенном состоянии между царской властью и русским народом, тогда как их идеология предписывала правым находиться именно вместе с властью и народом. Миф о Г.Е. Распутине отдалил правых от императора, а состоявшийся ещё до войны, в 1911 г., раскол Союза русского народа на умеренных «марковцев» и неумеренных «дубровинцев» не способствовал упрочению связей с «коренной Русью». Монография А.А. Иванова является крупным событием современной историографии именно потому, что даёт богатейший материал для размышления как о системных, так и о ситуативных причинах «кризиса и краха» правых Российской империи.

---

⁶⁵ Куликов С.В. Голландия и парламентский Петербург в 1906–1917 гг. Генеральные штаты Нидерландского королевства и законодательные учреждения Российской империи: сравнительно-исторический анализ // Санкт-Петербург – Нидерланды: XVIII–XXI вв. СПб., 2013. С. 382.